

РУССКОЕ ЗАПАДНИЧЕСТВО.

1.

Въ русской исторической наукѣ наблюдается стремленіе провести взглядъ, что связь Россіи съ европейскимъ Западомъ «завязалась ранѣе и была крѣпче, чѣмъ обычно принято думать (Акад. С. Ф. Платоновъ)», — т. е. гораздо ранѣе эпохи Петра I. Тезисъ этотъ въ общемъ, можно признать вполне доказаннымъ нашими новѣйшими историками, приведшими большое количество фактовъ въ подтвержденіе того, что стремленіе къ преобразованію отдѣльныхъ областей русской культурной жизни путемъ западныхъ заимствованій, — напр., арміи, промышленности, торговли и т. п., — конечно, возникло много ранѣе XVII в. Однако, все это далеко не было еще «западничествомъ» въ томъ идейномъ смыслѣ, въ какомъ названное понятіе слѣдуетъ толковать съ точки зрѣнія исторіи и философіи культуры. Западничествомъ надлежитъ именовать не попытки использованія западной культуры въ чужихъ культурныхъ цѣляхъ, но стремленіе къ теоретическому и практическому отрицанію особаго міра собственной культуры во имя культуры западной. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное общественное теченіе въ предѣлахъ Московскаго государства возникло въ эпоху Петра I, который со всѣмъ своимъ окруженіемъ

быль его вдохновителемъ и проводникомъ. Основная аксіома русскаго западничества, въ теоретической формулировкѣ, была, сколько мы знаемъ, впервые выражена однимъ изъ дѣятелей петровской эпохи, морскимъ агентомъ Петра I въ Англіи, Федоромъ Салтыковымъ. «Россійскій народъ» — писалъ онъ императору — «такія же чувства и разсужденіе имѣетъ, какъ и прочіе народы, *только его довлѣетъ къ такимъ дѣламъ управить*». Въ Россіи, такимъ образомъ, «должно быть все, *какъ въ Англіи сдѣлано*». Вотъ квинтъ-эссенція русскаго западничества, въ которой *implicite* содержится вся его философія, теорія и практика.

Характеристика русскаго западничества, какъ извѣстнаго культурнаго и идейнаго теченія, не представляется дѣломъ легкимъ. Съ одной стороны, русское западничество никогда не было единой системой, не имѣло доктрины и своего катехизиса. Съ другой стороны, самъ Западъ не представляется чѣмъ-то однороднымъ: можно говорить объ единыхъ принципахъ Западной культуры, но нельзя думать, что принципы эти имѣли одинаковое проявленіе въ пространствѣ и во времени. Судя по проявленіямъ, никогда не было одного Запада. Западный міръ состоялъ изъ нѣсколькихъ малыхъ міровъ, каждый изъ которыхъ по своему строилъ свою жизнь, какъ, напр., міръ латинскій, англосаксонскій, германскій. Кромѣ того Западъ переживалъ общіе процессы историческихъ измѣненій, въ которыхъ боролись различныя, смѣняющія другъ друга историческія силы, напр., Западъ католическій и феодальный, Западъ буржуазно-демократическій, Западъ пролетарскій и социалистическій. Какъ никогда не было одного Запада, такъ не могло быть и одного русскаго западничества. Напротивъ, русское западничество воспроизвело и повторило борьбу различныхъ за-

падныхъ началъ и стилей, приче^{мъ} въ Европѣ то была борьба органически возникшихъ социаль-ныхъ, историческихъ и національныхъ силъ, на русской-же почвѣ то была главнымъ образомъ борьба принциповъ и теорій, увлекавшихъ европеизованную, «интеллигентную» часть нашего общества. Поле борьбы, слѣдовательно, у насъ значительно сузилось, зато борьба стала болѣе концентрированной и жестокой. Реальные интересы зачастую были замѣнены вѣрой въ доктрины, исповѣдуемая отдѣльными интеллигентскими группировками. Бытовое и жизненное содержаніе борющихся началъ было замѣнено внутренней логикой принциповъ и теорій. Отсюда извѣстное у насъ стремленіе къ крайностямъ, требующее доведенія принциповъ «до конца», — русскій радикализмъ, не останавливающійся на полъ-пути, непримиримый и неуступчивый. Словомъ, историческая драма Запада повторена была у насъ на болѣе или менѣе искусственной сценѣ, воспроизведена въ духѣ весьма стилизованномъ, въ тонахъ сгущенныхъ, при помощи актеровъ, принадлежащихъ къ образованному классу русскаго общества временъ Имперіи при болѣе или менѣе пассивномъ участіи народа.

2.

При возникновеніи своемъ русское западничество создалось подъ исключительнымъ вліяніемъ германской, военной и абсолютистской Европы. Не безъ основанія и называлъ Петра I Герценъ «первымъ русскимъ нѣмцемъ». Государственное зданіе, имъ воздвигаемое съ такимъ беспощаднымъ упорствомъ, по стилю своему должно было напоминать болѣе всего Пруссію. «Англинская вольность здѣсь не у мѣста», — говорилъ Петръ о

Россіи, — «какъ стѣнъ горохъ». «Надобнымъ» языкомъ для насъ считалъ онъ голландскій и нѣмецкій — «а съ французскимъ не имѣемъ мы дѣло». Идеаломъ солдата былъ солдатъ прусскій. По прусскому образцу была построена новая армія, у которой начальниками были почти исключительно нѣмцы. Прусскій стиль господствовалъ и въ гражданской постройкѣ Имперіи. И со времени Петра это нѣмецкое вліяніе сдѣлалось крупнѣйшимъ факторомъ нашей исторіи. Началась эпоха не только онѣмеченія Россіи, но и прямого правленія нѣмцевъ, особенно ощутительная при наслѣдникѣ перваго Императора. Начался тотъ періодъ, про который съ горечью писалъ Герценъ: «На тронѣ были нѣмцы, около трона — нѣмцы, министрами иностранныхъ дѣлъ — нѣмцы, аптекарями — нѣмцы, булочниками — нѣмцы, вездѣ нѣмцы — до противности. Нѣмки занимали почти исключительно мѣста императрицъ и повивальныхъ бабокъ». Можно сказать, что даже само офранцуженіе правящаго класса Россіи въ XVIII в. протекало въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ шло офранцуженіе тогдашней Пруссіи, сочетавшей свой военно-политическій режимъ съ французскимъ языкомъ и французской модой.

Для уясненія идейнаго смысла этого увлеченія Пруссіей лучше всего обратиться къ послѣдующимъ царствованіямъ Павла Петровича, Александра и Николая Павловичей. Германія или, вѣрнѣе, Пруссія казались Павлу I «примѣромъ, достойнымъ всякаго подражанія». Было время, когда онъ съ удовлетвореніемъ припоминалъ «что въ жилахъ его, собственно говоря, течетъ очень мало русской крови». «Онъ такъ влюбился въ порядокъ, методичность, регламентацію, что даже для невѣсты составилъ Инструкцію въ 14 пунктовъ, касающихся не только религіи и нравственности, но и подробностей туалета». Народъ русскій онъ

считалъ дряннымъ, просто собакой, — «*ma chienne de nation*», какъ говорилъ онъ, по свидѣтельству одного современника. На Павла I, какъ извѣстно, огромное впечатлѣніе произвело римское католичество, въ поклонника котораго онъ искренне превратился. Его восхищало все то, что было сдѣлано іезуитами, — ихъ организація, ихъ порядокъ, ихъ дисциплина. Не ладя съ представителями православнаго духовенства, императоръ открыто поощрялъ французскихъ эмигрантовъ, занимавшихся католической пропагандой. Онъ вступилъ въ загадочныя отношенія съ Мальтійскимъ орденомъ, что приводило въ смущеніе его современниковъ. Православный императоръ, пытавшійся объявить себя главой восточной церкви, аль командоромъ католическаго монашескаго ордена. Онъ смотрѣлъ на этотъ орденъ, какъ на организацію всеевропейской знати, созданную для развитія чувства лойальности и чести. При помощи такого ордена онъ и хотѣлъ вести общеевропейскую борьбу съ ненавистной ему французской революціей. И невольно приходишь къ выводу, что «европеизировать» Россію для него означало построить ее по образцамъ прусской казармы и католическаго монастыря, причемъ еще съ нѣкоторой вселенской миссіей, — въ цѣляхъ міровой борьбы съ европейскимъ революціоннымъ гуманизмомъ.

Ошибочно думать, что павловское пониманіе западничества совершенно угасло со вступленіемъ на престоль его сына, зараженнаго въ юности европейскими либеральными идеями. Принципы политики Павла I оставили неизгладимые слѣды на его наслѣдника, причудливо сочетавшись здѣсь съ либерализмомъ и придавъ странную двойственность всему характеру Александра I, — ту двойственность, которая геніально была изображена въ извѣстныхъ стихахъ: «рука искусства навела на мраморъ этихъ устъ улыбку и гнѣвъ на хладный

лоскъ чела». Замѣчательными символами этой двойственности были двѣ выдающіяся фигуры названнаго царствованія, другъ друга отрицающія, но въ то-же время совмѣстно витающія надъ Россіей: это Сперанскій и Аракчеевъ. Первый, какъ бы отображалъ улыбку, второй служилъ «железнымъ кулакомъ, необходимымъ для водворенія дисциплины и порядка». Поэтому Россія Александра I «даетъ намъ картину государства, воспитываемаго либеральнымъ идеалистомъ для свободныхъ установленій и человѣческаго образа жизни путемъ жестокаго и недовѣрчиваго деспотизма». Причемъ онять-таки съ общеевропейской, міровой миссіей, ибо «истинная цѣль императора» заключалась «въ желаніи быть посредникомъ въ Европѣ и черезъ это играть первую роль». Фактически и въ это царствованіе, особенно въ его концѣ, вліяніе прусскихъ началъ замѣтно преобладало. Періодъ увлеченія Наполеономъ не означалъ еще отступленія отъ основныхъ политическихъ принциповъ: въ Наполеонѣ Александра Павловича привлекало, именно, сочетаніе внѣшняго пріятія либеральныхъ началъ съ деспотизмомъ, сумѣвшимъ справиться съ революціей. Однако, увлеченіе Наполеономъ прошло, началась борьба съ нимъ, въ результатѣ которой пришлось вернуться онять къ чему-то, напоминающему смѣсь казармы съ католическимъ монастыремъ. Аракчевскими, военными поселеніями, и завершилось названное царствованіе. Это былъ странный прообразъ военно-аграрнаго коммунизма: длинный рядъ однообразныхъ домовъ, однообразный и переписанный инвентарь, одѣтые въ форму полу-крестьяне — полу-солдаты, детально росписанное время труда, плановость и дисциплина, доведенныя до предѣла. Здѣсь исчезаетъ личная жизнь, семья, личная собственность и водворяется государственно-коммунистическая ти-

ранія, превращающая всѣхъ въ рабовъ и крѣпостныхъ.

Нельзя сказать, что Императоръ Николай I во всемъ подражалъ своему отцу и брату. Съ его воцареніемъ оффиціальное, консервативное русское западничество рѣшительно освобождается отъ религіозной романтики и облекается въ одежду російскаго, «квасного» патріотизма. Николай Павловичъ не увлекался ни католичествомъ, ни мистикой, но при немъ случился другой «страшный парадоксъ» русской исторіи, — именно то, что идеализированная и по русски стилизованная Пруссія покрылась пышными титулами «православія, самодержавія и народности» и стала выдавать себя за настоящую, подлинную Россію. Горько, но справедливо писалъ объ этомъ Герценъ. «Вступивъ однажды въ нѣмцы, выйти изъ нихъ очень трудно... Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ нѣмцевъ, желавшихъ обрусѣть, былъ Николай. Чего онъ не дѣлалъ, чтобы сдѣлаться русскимъ, — и финновъ крестилъ, и уніатовъ сѣкъ, и церкви велѣлъ строить опять вродѣ судка, и русское судопроизводство вводилъ тамъ, гдѣ никто не понималъ по русски и т. п...., а русскимъ все не сдѣлался, и это до такой степени справедливо, что *народность у него являлась на манеръ нѣмецкаго тейтчума, православіе проповѣдывалось на католическій манеръ*». Никогда русско-прусскія отношенія не пріобрѣтали характера столь по внѣшности идиллическаго, какъ въ это царствованіе. Въ 1835 г. происходилъ извѣстный русско-прусскій сборъ войскъ въ Калишѣ, о которомъ писалось: «Двѣ великія націи, различныя по языку, по нравамъ, обычаямъ и религіи, соединяютъ войска свои, посреди глубокаго мира, не въ отдѣльныхъ корпусахъ, не въ разъединенныхъ отрядахъ, о нѣтъ, ...какъ одинаковые члены одного и того же тѣла». Царь называлъ русскую армію

«сильнымъ резервомъ прусской», прусскую армію считалъ своею, русскою, прусскихъ офицеровъ — своими товарищами; великія княжны варили въ Калишѣ картошку вмѣстѣ съ прусскими гренадерами. Россійская гвардія распѣвала: «Русскій царь собралъ дружину и велѣлъ своимъ орламъ плыть по морю на чужбину въ гости къ добрымъ пруссакамъ. Не на бой летимъ мы драться, не крамольныхъ усмирять, но съ друзьями повидаться, пруссаковъ спѣшимъ обнять». Всѣ эти славословія отнюдь не свидѣтельствуютъ, что фактическія отношенія съ Пруссіей были прекрасными. Напротивъ, они часто были изрядно худы, именно, потому, что Николай I считалъ только себя *настоящимъ пруссакомъ*, а Пруссію считалъ своей провинціей, часто ослушной и не исполняющей его высочайшихъ предначертаній. Николай Павловичъ всячески противился германскому объединенію, что навлекло на него ненависть многихъ нѣмцевъ. Онъ не одобрялъ прусской внѣшней политики и прибѣгъ къ вооруженной морской демонстраціи противъ Пруссіи во время Прусско-Датской войны. Но всего болѣе онъ не могъ простить Пруссіи ея «либерализма», вызваннаго революціей 1848 года. Подписаніе Фридрихомъ-Вильгельмомъ конституціи Николай Павловичъ считалъ настоящей измѣной. Ему приписывается характерное изреченіе, сказанное въ эту «либеральную» эпоху генералу Рауху: «Нынѣ осталось *всего три добрыхъ пруссака*, это — я, вы, любезный Раухъ и Шнейдеръ». Извѣстно, что «добрые» пруссаки сильно напортили царю во время Севастопольской войны и не оцѣнили исторической миссіи Россіи — быть «доброй Пруссіей»...

Во внѣшней политикѣ Николай I придерживался завѣтамъ своихъ предшественниковъ и старался быть главнымъ стражемъ европейскаго «порядка». Во внутренней политикѣ практикуемый

имъ режимъ велъ къ полной милитаризаціи Государства. «Военные люди, какъ представители дисциплины и подчиненія, имѣли первенствующее значеніе, считались годными для всѣхъ родовъ службы. Гусарскій полковникъ засѣдалъ въ синдѣ, въ качествѣ оберъ-прокурора. За то полковой священникъ, подчиненный оберъ-священнику, былъ служивый въ рясахъ, независимый отъ архіерея». Такимъ образомъ пруссификація арміи являлась пруссификаціей всего государства. Пруссификація эта, практикуемая нѣсколько царствованій, была не только номинальной и внѣшней, нѣмецкое начало фактически вошло въ русскую государственную жизнь и стало ея необходимымъ атрибутомъ. Фактически нашъ государственный аппаратъ находился въ рукахъ иностранцевъ и нѣмцевъ или, по крайней мѣрѣ, лицъ, идейно «нѣмеченныхъ». Современникъ эпохи Александра I писалъ въ своемъ дневникѣ: «Россія являетъ единственный примѣръ въ мірѣ, что дипломатическій корпусъ ея состоитъ большею частью изъ иностранцевъ. Не всѣмъ имъ извѣстенъ нашъ языкъ и немногіе изъ нихъ бывали въ Россіи далѣе Петербурга... Этотъ классъ людей получаетъ обыкновенно хорошее воспитаніе, но *основанное на космополитическихъ правилахъ*. Они много знаютъ, но *ничего не чувствуютъ къ Россіи*». При Николаѣ первомъ, по сдѣланному подсчету, въ дипломатическомъ вѣдомствѣ на 1/5 русскихъ фамилій приходилось 4/5 иностранныхъ. Нѣсколько лучше было въ другихъ вѣдомствахъ, хотя процентъ иностранныхъ фамилій былъ значителенъ и въ войскѣ и на высшихъ должностяхъ. Но важно здѣсь не количество, важно то мірссозерцаніе, которое выработалось вслѣдствіе этого иностраннаго вліянія. Вотъ что пишетъ о названномъ типѣ людей консерваторъ-западникъ, поклонникъ императора Николая I: «Незнакомые ни съ

языкомъ, ни съ исторіей русскаго народа, они являлись убѣжденными сторонниками того, довольно распространеннаго въ Западной Европѣ ученія, которое на Россію взирало, какъ на грубую матеріальную силу, на безсознательное орудіе въ рукахъ просвѣщенныхъ дипломатовъ, направляемое ими въ смыслъ огражденія и отстаиванія такъ называемыхъ началъ «высшаго порядка», служенія интересамъ совокупной Европы и ея цивилизаціи.» Славянофилъ Ю. Самаринъ сходное пишетъ объ остзейскихъ нѣмцахъ, которые играли огромную роль въ администраціи пруссифицированной Имперіи: «Они вселяли и воспитывали въ Россіи правительственный эгоизмъ; они дали почувствовать власти возможность особенныхъ интересовъ, отрѣшенныхъ и противоположныхъ интересамъ земли. Они прямо говорятъ, что хотятъ служить правительству, а не землѣ, правительство имъ нужно, какъ покорное орудіе, а чтобы покорить его, они льстятъ ему и выдаютъ ему землю русскую». «Нѣмцы изъ настоящихъ и изъ поддѣльныхъ» — пишетъ Герценъ — «приняли русскаго человѣка за *tabula rasa*, за листъ бѣлой бумаги... и такъ какъ они не знали, что писать, то они положили на немъ свое тавро, и сдѣлали изъ простой бѣлой бумаги гербовый листъ, и исписали его потомъ нелѣпыми формами, титулами, а, главное, крѣпостными актами». Непревзойденнымъ образцомъ подобнаго «поддѣльнаго» нѣмца Герценъ считалъ Аракчеева. «Типъ Бирона здѣсь блѣднѣетъ. Русскій на манеръ нѣмца далеко превзошелъ его; мы имѣемъ въ этомъ отношеніи предѣлъ, геркулезовъ столбъ, далѣе котораго «отъ жены рожденный» не можетъ итти — это графъ А. А. Аракчеевъ. А. — совсѣмъ не нѣмецъ, онъ и по нѣмецки не зналъ, онъ хвастался своимъ руссопетствомъ, онъ былъ такъ сказать по службѣ нѣмецъ».

До сихъ поръ слишкомъ мало задумываются,

такое фатальное вліяніе имѣлъ этотъ родъ русскаго западничества на всю исторію Россіи. Не будь его, весь стиль русскаго государства, вся его внутренняя и внѣшняя политика были бы иными. Иной была бы и вся его исторія, включая и новѣйшій періодъ. Ибо внѣшній разрывъ съ Германіей, случившійся въ эпоху Александра III, отнюдь не означалъ ликвидаціи той политики русскаго реакціоннаго «западничества», который начался съ Петра I. Оффиціальная Россія продолжала быть идеализированной Пруссіей, покрывшей себя титулами православія, самодержавія и народности. И даже въ періодъ своего «конституціонализма» она типично повторила исторію нѣмецкихъ княжествъ послѣ 1848 года.

3.

Реакціонное западничество было у насъ не теоріей, а государственной практикой. Его можно даже обвинять въ отсутствіи идейнаго обоснованія, даже въ пренебреженіи имъ, что лишаетъ идеи весь оффиціальныи фасадъ огромнаго зданія Россійской Имперіи, которая, чтобы имѣть идеологію, принуждена была довольно искусственно покрыть себя лозунгами въ общемъ чуждаго ему славянофильства. Весьма примѣчательно, что идеологическую и теоретическую формулировку свою русское западничество нашло не въ теченіяхъ реакціонныхъ, но въ оппозиціонныхъ Имперіи западническихъ направленіяхъ, — въ русскомъ либерализмѣ и радикализмѣ. Что касается до либерализма, то его идейная роль въ исторіи русскаго западничества является огромной. Въ немъ какъ разъ «дѣло Петрово» нашло свое идейное оправданіе и свою теоретическую формулировку. Можно даже сказать, что русская исторіософія и

Философія культуры западническаго толка въ огромной долѣ своей была построена въ различныхъ теченіяхъ русскаго либерализма. Но несмотря на эту выдающуюся культурную роль было въ русскомъ либерализмѣ нѣчто искусственное, тепличное, недостаточно почвенное. Если западничеству реакціоннаго стиля удалось сдѣлаться огромной фактической силой, сумѣвшей сьорганизовать народныя массы и долго руководить судьбами государства, то русскій либерализмъ всегда былъ чѣмъ-то кабинетнымъ и отвлеченнымъ, не умѣлъ войти въ жизнь и потому потерпѣлъ рѣшительный крахъ въ эпоху революціи.

Начала русскаго либерализма можно искать въ Екатерининскую и Александровскую эпоху нашей исторіи, но сложился онъ и вполне выявилъ свое лицо только въ поколѣніяхъ сороковыхъ — семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка . Именно, этотъ періодъ породилъ цѣлый рядъ выдающихся русскихъ западниковъ «либеральнаго образа мыслей» различныхъ оттѣнковъ», въ числѣ которыхъ можно назвать И. С. Тургенева, М. Н. Каткова перваго періода, когда онъ мечталъ насадить у насъ англійскіе порядки и сочетать либерализмъ съ консерватизмомъ, Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина и многихъ другихъ. Особенностью русскаго либерализма нужно считать, что его первые представители были всегда нѣкоторыми «одиночками», не составляли единой группировки или партіи, даже находились другъ съ другомъ во враждѣ, полемизировали и спорили. Когда же, въ болѣе позднюю «конституціонную» эпоху нашей исторіи, нашъ либерализмъ сложился въ партію, объединеніе произошло на гораздо болѣе лѣвыхъ, радикальныхъ и социалистическихъ позиціяхъ по сравненію съ возрѣніемъ нашихъ раннихъ либераловъ. Такова была наша конституціонно-демократическая партія, въ кото-

рую не вошли ни англоманство М. Н. Каткова, ни экономическій либерализмъ Б. Н. Чичериеа, ни вообще все то, что составляетъ существо либерализма въ его чистомъ видѣ. Однако, нашъ конституціонный демократизмъ цѣликомъ исповѣдывалъ ту западнческую культурную философію и исторіософію, которая формулирована была нашимъ раннимъ либерализмомъ. Оттого для характеристики нашего либеральнаго западничества слѣдуетъ обратиться не къ новымъ, а къ старымъ представителямъ русскаго либерализма.

«Не изъ эпикуреизма, не изъ усталости и лѣни» — писалъ въ 1862 г. И. С. Тургеневъ — «я удалился, какъ говорилъ Гоголь, подъ *сѣнь струй* европейскихъ принциповъ и учрежденій». На Западъ звали его не личные интересы, но соображенія о благѣ народномъ. «Мнѣ было бы 25 лѣтъ, — я не поступилъ иначе, не столько для собственной пользы *сколько для пользы народа.*» Именно, И. С. Тургеневъ, такъ же, какъ и другіе русскіе либералы, полагалъ, что «русскій народъ консерваторъ *«rag excellence»*, что онъ *«самому себѣ предоставленный* неминуемо вырастаетъ въ старовѣра, вотъ куда его гнетъ, его претъ.» Какъ утверждалъ другой русскій либераль Кавелинъ «мы, русскіе, народъ дѣйствительно полудикій, съ крайне слабыми зачатками культуры». «Односложность дѣлаетъ развитіе нашей государственной и общественной жизни *медленнымъ, вялымъ, безцвѣтнымъ*; индивидуальной выработки, строгой очерченности формъ, точныхъ юридическихъ опредѣленій и отвѣтственности нѣтъ ни въ чемъ». Это, именно, тотъ взглядъ на русскій народъ и русскую исторію, который до нѣкоторой степени можно возвести къ Чаадаеву, хотя онъ и не былъ либераломъ, а скорѣе однимъ изъ предвозвѣстниковъ нашего радикализма; тотъ взглядъ, который до нашего времени повторяется въ либеральныхъ

кругахъ. Въ крайней своей формулировкѣ онъ утверждаетъ, что русская исторія просто бѣлый листъ бумаги, исписанный посредствомъ чужихъ силъ чужими буквами; въ болѣе мягкой — что она похожа на западную, но всѣ процессы въ ней медленны, лишены красочности и запоздалы. Прекрасно формулировалъ этотъ взглядъ однажды молодой Катковъ: «Ужь вотъ почти тысяча лѣтъ» — писалъ онъ — «какъ началъ понимать себя народъ русскій. Сколько лѣтъ!.. На что же были употреблены они? Что же было проявлено жизнью народа въ ихъ теченіи?.. Взглядъ на древнѣйшую русскую исторію пробуждаетъ въ душѣ томительное чувство. Въ самомъ дѣлѣ унылое зрѣлище представляется взорамъ позади нашего исполина. Далеко, далеко тянется степь, далеко — и, наконецъ, исчезаетъ въ смутномъ туманѣ... Тамъ, въ той туманной дали показываются какіе-то неопредѣленные, безразличные призраки, тамъ такъ безотрадно, такъ пусто; колоритъ такой холодный, такой безжизненный»... Отсюда уже видно, какъ, по мнѣнію западниковъ, можно оживить эту мертвечину: движеніемъ отъ степи къ морю. Одинъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ историковъ западнаго толка С. М. Соловьевъ довольно любопытно пытался обосновать отсталый характеръ нашей исторіи такимъ противопоставленіемъ степи морю, откуда и вытекало у него оправданіе «дѣла Петрова». Наша исторія была степной, а степь не располагаетъ къ развитію умственныхъ силъ. Въ степи русскій богатырь могъ встрѣтить развѣ только другую, неодухотворенную, «азиатскую» физическую силу, съ которой и можно бороться только физически. Наоборотъ, съ грозною стихіей, съ моремъ, можно бороться «не иначе какъ посредствомъ знанія, искусства». На морѣ неизбежно встрѣчались люди «противоположные кочевымъ варварамъ», — люди «богатые знаніемъ,

искусствомъ, отъ которыхъ есть чѣмъ позаимствоваться, и когда придется вступать съ ними въ борьбу, для нея понадобится не одна физическая сила». Принадлежа къ степной Азіи, мы неизбѣжно были чужды «нравственныхъ силъ», «европейскаго качества» и необходимо погрязали въ «азіатское количество» — такъ говоритъ нашъ западникъ, забывая, что количество скорѣе есть принципъ новой европейской культуры, а глубокая Азія въ лицѣ своихъ великихъ религій служила не количеству, а качеству. Впрочемъ, для нашего западника эти азіаты, вродѣ индійцевъ, есть «самый мягкій, самый дряблый народъ», который не умѣлъ «сладить съ прогрессомъ», пожелалъ уйти отъ прогресса, отъ движенія, возвратиться къ первоначальной простотѣ т. е. *пустотѣ*, — *въ состояніе до прогресса бывшее.*» И если, несмотря на все наше азіатство, мы принадлежимъ «и по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, *genus Еуроаеит*» какъ писалъ Тургеневъ и какъ думали всѣ западники; если «нѣтъ такой утки, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами, какъ рыба», то, по-истинѣ, мы самый наипослѣдній европейскій народъ, самая дрянная европейская утка. Что-же, въ такомъ случаѣ, намъ дѣлать, какъ не окунаться въ европейскія струи или окунать въ нихъ тѣхъ, кто самъ окунаться не можетъ. Программа либеральнаго западничества, стало быть, только методами отличалась отъ программы западничества реакціоннаго. Петръ европейзировалъ русскій народъ ремнемъ, его потомки — военными поселеніями, русскій либераль предлагаетъ отдать его въ культурную учебу по всѣмъ правиламъ западнаго гуманизма. «Что же дѣлать? — спрашиваетъ Тургеневъ — «Я отвѣчаю, какъ Скрибъ: *prenez mon ours* — возьмите науку, цивилизацію и лечите *этой гомеопатіей* мало-по-малу». Европейскіе культуръ-трегеры изъ «нѣмцевъ», же-

лавшіе выбить изъ русскаго «азіатскую бестію», были, слѣдовательно, аллопатами, и даже преимущественно хирургами, русскій либераль — это гомеопатъ. Такова основная разница при общности взгляда на русскій народъ, какъ на объектъ культурной медицины.

Всѣхъ нашихъ западниковъ объединяла вѣра въ всеисцѣляющую, воспитательную силу человѣческихъ учрежденій, — и этой вѣрѣ нашъ либерализмъ придалъ «научную» формулировку, превратилъ въ цѣлую теорію. Классическое свое выраженіе эта черта получила въ полемикѣ, которую русскіе западники либеральнаго толка вели по поводу извѣстной рѣчи Достоевскаго на Пушкинскомъ юбилеѣ. Достоевскій, какъ извѣстно, высказалъ мысль, что личное совершенствованіе является непремѣннымъ условіемъ общественнаго совершенства, откуда слѣдовало, что нѣтъ никакихъ общественныхъ идеаловъ, «не связанныхъ органически съ идеалами нравственными, а существующихъ сами по себѣ, въ видѣ отдѣльной половинки»; и что нѣтъ идеаловъ, «которые могутъ быть взяты извнѣ и пересажены на какое угодно новое мѣсто съ успѣхомъ, въ видѣ *отдѣльнаго учрежденія*.» Противъ такой мысли рѣшительно возстали наши западники, утверждавшіе, что «нравственность и общественныя идеи, идеалы личные и идеалы общественные, не имѣютъ между собою ничего общаго», «что изъ ихъ смѣшенія можетъ произойти только путаница и хаосъ», (Кавелинъ), что поэтому, никакое общественное совершенствованіе не можетъ быть достигнуто только черезъ улучшение личныхъ качествъ людей», «не можетъ быть произведено только «работой надъ собой» и «смирніемъ себя». (Градовскій). «Вотъ почему въ весьма великой степени общественное совершенство людей зависитъ отъ совершенства общественныхъ учрежденій, воспитывающихъ въ человѣкѣ если

не христіанскія, то гражданскія доблести» (Градовскій). Въ приведенныхъ словахъ высказана одна изъ основныхъ нормъ русскаго западничества, руководящая имъ, начиная съ Петра. Именно, Петръ сталъ такъ строить свою Имперію, — исходя изъ убѣжденія, что вводимыхъ имъ учреждений вполне достаточно для перевоспитанія московскихъ людей, что совершенно не важны ихъ внутреннія убѣжденія и вѣрованія. Именно, Петръ взялъ учреждения извнѣ, пересади́лъ ихъ на новое мѣсто, заставилъ работать, какъ машину, не подозревая, что между учреждениями и внутренней жизнью людей есть глубокая органическая связь. Такимъ образомъ и здѣсь русскій либерализмъ осмысливалъ «дѣло Петрово», его оправдывалъ и шелъ по его пути. Только вмѣсто ряда институтовъ, заимствованныхъ изъ странъ германскихъ, онъ предполагалъ ввести учреждения, заимствованные изъ другихъ европейскихъ странъ, англосаксонскихъ или романскихъ. Особую роль играла при этомъ прямо-таки трогательная вѣра въ спасительную силу конституціоннаго режима, — вѣра, на которой выросли и воспитались цѣлыя поколѣнія. Одни при этомъ представляли такой режимъ въ видѣ европейскаго сословнаго представительства, другіе — въ видѣ англійской конституціонной монархіи, третьи — въ видѣ демократической республики французскаго типа и т. п. — здѣсь нюансовъ было много, — но главное оставалось неизмѣннымъ: это убѣжденіе, что введеніе конституціи является панацеей отъ всѣхъ русскихъ золъ и окончательнымъ средствомъ европеизаціи Россіи.

Каково же нравственное содержаніе тѣхъ идеаловъ, которые наши либералы хотѣли принести русскому народу съ Запада и которые призваны были освободить отъ азіатчины и оцивилизовать? Если западническій консерватизмъ стремился при-

вить у насъ начала стараго европейскаго «порядка», то у либерализма дѣло шло о принципахъ новой «просвѣщенной» Европы. «Такъ или иначе» — писалъ, полемизируя съ Достоевскимъ, одинъ изъ «умѣренно-прогрессивныхъ» нашихъ западниковъ, проф. Градовскій, — «такъ или иначе, но уже два столѣтія мы находимся подъ вліяніемъ европейскаго просвѣщенія... Всякій русскій чело-вѣкъ, пожелавшій сдѣлаться просвѣщеннымъ, не-премѣнно получитъ это просвѣщеніе изъ западно-европейскаго источника, за полнѣйшимъ отсутствіемъ источниковъ русскихъ». Тщетно спрашивалъ Достоевскій своего ученаго оппонента, что же это такое за «западное просвѣщеніе»? «Науки Запада, полезныя знанія, ремесла или *просвѣщеніе духовное?*» Вполнѣ убѣдительно Достоевскій указывалъ, что ужъ если говорить о «просвѣщеніи», то подъ нимъ нужно понимать «свѣтъ духовный, озаряющій душу, просвѣщающій сердце, направляющій умъ и указывающій дорогу жизни». Какой-же «свѣтъ духовный» несъ съ собой россійскій либерализмъ? Какому пути жизненному хотѣлъ онъ научить русскій народъ? Либераль и прогрессистъ И. С. Тургеневъ въ письмѣ къ Герцену однажды оговорился, что изъ европейскихъ философовъ онъ болѣе всего цѣнитъ Литтре!.. Про себя онъ говорилъ: «Я въ мистицизмъ не ударился и не ударюсь». Впрочемъ, относительно религіи Тургеневъ говорилъ и опредѣленнѣе. Споря съ Герценомъ объ утверждаемой послѣднимъ особой миссіи Россіи, онъ написалъ: «Теперь дѣйствительно поставленъ вопросъ о томъ, *кому одолѣть Науку или Религію?* Съ какой тутъ стати Россія?». Если такимъ образомъ сильно офранцузенный Тургеневъ подъ «духовнымъ» европейскаго просвѣщенія разумѣлъ французскій позитивизмъ школы О. Конта, то воспитанные на нѣмецкой философіи другіе россійскіе либералы придерживались бо-

лѣе идей лѣвыхъ гегельянцевъ и Л. Фейербаха. Таковъ былъ, напримѣръ, весьма степенный Кавелинъ, предлагавшій мнѣніе Гегеля, что «die Natur ist das Anderssein des Geistes», измѣнить въ такомъ духѣ: «Der Geist ist das Anderssein der Natur». Про него В. Д. Спасовичъ по живымъ личнымъ воспоминаніямъ и безъ несочувствія написалъ: «онъ любилъ Москву и радъ бы съ нею сжить-ся, *не будь только въ ней Кремля, который ему противенъ.*»

Однимъ словомъ, «духовный путь», на который проектировалось вывести русскій народъ, былъ путь европейскаго гуманизма, т. е. путь болѣе или менѣе рѣшительнаго утвержденія человѣческой личности, выше которой вообще ничего нѣтъ, кромѣ нея самой. Само по себѣ защита человѣческой личности была дѣломъ не плохимъ, но вѣдь не только объ этой защитѣ шла рѣчь. О личности можно было прочесть поискавши, и въ русскомъ древнемъ «просвѣщеніи», о личности учили и славянофилы. Центръ тяжести былъ въ томъ, что личность человѣческая утверждалась, какъ наивысшее, что было, разумѣется, «западничествомъ» но что отнюдь не озаряло особымъ духовнымъ свѣтомъ. Въ сущности, это было то же самое, къ чему стремились и русскіе радикалы, только въ гомеопатическихъ дозахъ. Главнымъ недостаткомъ такого способа «гуманизациі» Россіи была его неполная послѣдовательность, неполная договоренность. Потому-то русскіе радикалы всегда были въ болѣе выгодной позиціи, чѣмъ либералы. Ужъ если просвѣщать, такъ просвѣщать, Бога нѣтъ — такъ полный атеизмъ, души нѣтъ — такъ материализмъ, личность утверждать — такъ «базаровщина», Кремль не нравится — такъ сноси его до основанія. «Что ни говорите, друзья», — писалъ Бакунинъ, — «логика великая, скажу болѣе, едино сильная вещь. Будемъ логичны и мы будемъ

сильны». И надо признать, были логичны, а потому и превосходили силой либераловъ.

4.

Общая социально-психологическая атмосфера отнюдь не способствовала у насъ процвѣтанію либерализма. Трудно подыскать слова для характеристики тѣхъ чувствъ отвращенія и ненависти, которыя воспитались въ извѣстной части русской интеллигенціи подъ вліяніемъ политическаго режима Имперіи. Чувства эти возникли довольно рано, — въ первой четверти XIX столѣтія. Наблюдатели этой эпохи отмѣчаютъ отчужденіе, отдѣляющее тогдашнюю молодежь отъ всей политической и правительственной системы. Такимъ отчужденіемъ объясняется нарожденіе въ нашей литературѣ типа, «того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ». (Достоевскій). «Лети корабль» — какъ пѣлъ этотъ скиталецъ — «неси меня къ предѣламъ дальнимъ по грозной прихоти обманчивыхъ морей, *но только не къ брегамъ печальнымъ туманной родины моей*». Этотъ русскій скиталецъ, бродившій все-же путями западными, скоро бросился въ революцію, посредствомъ которой онъ думалъ пересоздать печальную свою отчизну. Такъ и произошли декабристы, эти предтечи радикальнаго и революціоннаго русскаго западничества, попытавшіеся однимъ взмахомъ превратить прусско-аракчеевскую Имперію въ нѣчто вродѣ Американскихъ Штатовъ или послѣреволюціонной Франціи. Трагическая неудача ихъ попытка наложилла неизгладимую печать на все послѣдующее развитіе оппозиціонной западной мысли, придавъ этой послѣдней

особый характеръ мрачной, черной, зачастую без-
сильной ненависти къ существующему. Особо бла-
гопріятнымъ источникомъ такихъ настроеній была
атмосфера Николаевской Имперіи, когда впервые
и формурировалась философія нашего радикаль-
наго западничества. Тогда-то, именно, и достигло
предѣла чувство отчужденія отъ оффиціальной
Россіи» (Герценъ), достигъ своего предѣла «исклю-
чительно отрицательный взглядъ на Россію, на
жизнь и литературу, на міръ» (К. Аксаковъ).
«Скажи Грановскому» — писалъ въ 1839 г. Бѣлин-
скій — «что чѣмъ больше живу, тѣмъ больше,
кровнѣе люблю Русь, но начинаю сознавать, что
это съ ея субстанціальной стороны, но ея опредѣ-
леніе, ея дѣйствительность настоящая начинаетъ
приводить меня въ отчаянье, — грязно, мерзко,
возмутительно-нечеловѣчески». «Мы люди внѣ об-
щества, потому-что Россія не есть общество». Въ
названной атмосферѣ понятно возникновеніе пес-
симизма Чаадаева, понятны такіе характеры бѣг-
лецовъ русскихъ, какимъ былъ В. С. Печеринъ.
Окружающее таково, что или отъ него нужно
бѣжать или его нужно разрушить до основанія,
— возможно, что то и другое вмѣстѣ, — бѣжать,
чтобы разрушить эту «кнуто-германскую», «гол-
штейно-татарскую» Имперію. «Мое обращеніе на-
чалось очень рано» — пишетъ Печеринъ, москов-
скій профессоръ, посланный въ заграничную ко-
мандировку, но изъ нея не вернувшійся, оставшій-
ся на Западѣ и ставшій не революціонеромъ, но
монахомъ католическаго ордена — «отъ первыхъ
лучей солнца, на родной почвѣ, на Руси, въ глуши,
въ русской арміи. Зрѣлище неправосудія и ужас-
ной безсовѣстности во всѣхъ отрасляхъ русскаго
быта — вотъ первая проповѣдь, которая сильно
на меня подѣйствовала. Тоска по заграницѣ охва-
тила мою душу съ самаго дѣтства. На Западѣ,
на Западѣ!.. — кричалъ мнѣ таинственный го-

лось, и на Западъ я пошелъ во что бы то ни стало». Когда начальство позвало его обратно, въ Москву, онъ отвѣтилъ попечителю, графу Строганову, слѣдующими единственными въ своемъ родѣ строками: «Вы призвали меня въ Москву... Ахъ, графъ, сколько зла вы мнѣ сдѣлали. Когда я увидѣлъ эту грубо животную жизнь, эти униженныя существа, этихъ людей безъ вѣрованій, безъ Бога, живущихъ лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться, какъ животное... когда я увидѣлъ все это, я погибъ!.. Я погрузился въ мое отчаяніе, я замкнулся въ одиночество моей души, я избралъ себѣ подругу, столь же мрачную, столь же суровую, какъ я самъ... Этой подругой была ненависть. Да, я поклялся въ ненависти вѣчной, непримиримой ко всему, меня окружающему.» Печерину принадлежатъ слѣдующіе стихи, которые едва-ли были написаны сыномъ какого-нибудь другого народа, не потерявшаго свое отечество: «Какъ слѣдственно отчизну ненавиждѣть! И жадно ждать ея уничтоженія... И въ разрушеніи отчизны видѣть всемірную денницу возрожденія.»

Стихи, столь же пророческія для исторіи русскаго радикализма и русской революціи, какъ и знаменитые мотивы изъ Чаадаева, бросающаго по адресу всѣмъ русскимъ: «ne vous imaginez point avoir vecu de la vie de nations historiques... vous ne viviez que de la vie de fossiles», и въ то же время увѣреннаго, что мы призваны къ разрѣшенію величайшихъ проблемъ, поставленныхъ человѣческимъ родомъ и, главное, вопросовъ соціальныхъ. Вѣдь здѣсь *in ovo* вся русская революція, весь коммунизмъ, весь Интернаціональ...

Прочь, прочь отъ нея, отъ такой отчизны
«О, если такъ — то прочь терпѣнье!
Да будетъ проклятъ этотъ край,

Гдѣ я родился невзначай.

Уйду , чтобъ въ каждое мгновенье

Въ странѣ чужой я могъ казнить

Мою страну, гдѣ больно жить,

Все высказать, что душу гложетъ

Всю ненависть, или любовь, быть можетъ»...

Тутъ не парламенты было строить, не Земскій Соборъ созывать, не заниматься умѣренными улучшениями земскихъ учрежденій, — тутъ дѣло шло о ломкѣ небывалой, невиданной. Все должно быть уничтожено, жалѣть нечего!.. «Въ самомъ дѣлѣ, какой камень, какую улицу намъ жалѣть? Тотъ-ли, изъ котораго построень зимній дворець, или тотъ, который пошелъ на петропавловскую крѣпость? Царицынь Лугъ — гдѣ полтора ста лѣтъ ежедневно били палками солдатъ, или Старую Русу — гдѣ ихъ засѣкали десятками?».

«Нѣтъ уже объ нашу-то Европу мы не запомнимъ; мы слишкомъ дорого заплатили за науку, чтобы такъ малымъ довольствоваться» (Герценъ). Да, Пестровско-павловско-николаевская, кнуто-германская, голштейнъ-татарская Имперія должна быть снесена до основанія. «Первая обязанность насъ, русскихъ изгнанцевъ, принужденныхъ жить и дѣйствовать за границей — это превозглашать громко необходимость разрушенія этой гнусной Имперіи» (Бакунинъ). «А тамъ какъ въ нашемъ государствѣ нѣтъ ничего органическаго, — все только дѣло механики, — лихо только будетъ ломкѣ начаться, — ничто потомъ не остановитъ ее; — Имперія лопнетъ, — въ этомъ я не сомнѣваюсь, желаю только, чтобы лопнула она при насъ».

Но во имя чего-же ломать? Что будетъ на мѣстѣ сломаннаго? Станнымъ образомъ здѣсь пути нашихъ радикальныхъ бѣгуновъ на Западъ встрѣчаются съ путями исконными, московскими, восточными, не вполне точно и очень суммарно име-

нуемыми славянофильскими. Вотъ русскіе молодые люди, какъ, на примѣръ, Герценъ и Огаревъ, совершивъ на Воробьевыхъ Горахъ подъ Москвой страшную клятву, — клятву борьбы не на жизнь, а на смерть съ проклятой Имперіей, — о, такія клятвы даромъ не проходятъ, — бѣгутъ въ «страну чужую», на Западъ, — и что же они тамъ находятъ, что видятъ? Оказывается, тамъ живутъ такіе-же люди, какъ и у насъ, для того, чтобы, говоря словами Печорина, «копить деньги и откармливаться». Оказывается, мы знали только отвлеченный Западъ «книжно, литературно», «по праздничнымъ одеждамъ», «по всѣмъ отстоявшимся мыслямъ». На дѣйствительномъ же Западѣ «намъ не достаетъ пространства, шири воздуха, намъ просто неловко». Оказывается «русскій идетъ въ Европу... и находитъ то, что нашель бы въ IV-V столѣтіи какой-нибудь Остготъ, начитавшійся св. Августина и пришедшій въ Римъ искать весь Господню»... «Наивный дикарь всю декорационную часть, всю *mise en scène*, всю часть гиперболическую бралъ за чистыя деньги. Теперь, разглядѣвши, онъ знать ничего не хочетъ; онъ представляетъ, какъ вексель къ учету всѣ писанныя теоріи, которымъ онъ вѣрилъ на слово: надъ нимъ смѣются, и онъ съ ужасомъ догадывается о несостоятельности должниковъ.»...

Такъ не по образцамъ же этого дѣйствительнаго, эмпирическаго и идейно неплатежеспособнаго Запада строить новый міръ! Не его же брать за модель!.. Для человѣка, не желающаго сходить съ западной почвы, возможны въ подобной ситуациі два исхода: или отъ нынѣшняго, эмпирическаго, буржуазнаго Запада обратиться вспять, къ прошлому, къ средневѣковью, хотя бы къ его современнымъ тѣнямъ; или же пытаться прозрѣть какой-то будущій, не эмпирической еще не существующій, только чаемый и грядущій Западъ. Словомъ, или

католичество, или *западный* социализмъ. Быть можетъ, самыми послѣдовательными изъ русскихъ бѣгуновъ на Западъ и были тѣ, которые нашли успокоеніе на лонѣ римской церкви, пріобщившись тѣмъ самымъ къ древнѣйшей, первоизданнѣйшей стихіи западной культуры. Что касается до социалистовъ-революціонеровъ, то имъ долго пришлось проблуждать по восточнымъ путямъ, прежде чѣмъ они отыскали, наконецъ, надежную западную пристань.

Русскій революціонеръ, разрушитель «гнусной Имперіи», становился радикаломъ и революціонеромъ обще-европейскимъ, интернаціональнымъ. Идеологически это достигалось при помощи доведенія до крайности всѣхъ основныхъ началъ, изъ которыхъ слагался западный гуманизмъ. Изъ западнаго гуманизма выбрасывалась, прежде всего, то, что было въ немъ оформляющаго, — и прежде всего западное, античное, классическое наслѣдство, отъ котораго западные гуманисты никогда не могли оторваться. Для русскаго радикала совершенно не понятна была эта историческая связь гуманизма съ греко-римской формой, съ Сократомъ и Платономъ, съ Аристотелемъ и стоиками, съ эллинскимъ искусствомъ и римско-правовой идеей личности. Но выкиньте все это изъ гуманизма, получится нигилизмъ, который есть, въ сущности, обезформенный культъ той-же человѣческой личности. Получится базаровщина, писаревщина, добролюбовщина, отрицаніе Пушкина со всѣми сопутствующими этому явленіями. Въ то-же время самъ культъ личности доведенъ былъ до степени превосходной, до предѣльнаго максимума. «Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человечества» — эти слова Бѣлинскаго можно считать классическимъ введеніемъ въ исторію русскаго гуманизма. Того Бѣлинскаго, который при окончаніи своего философ-

скаго романа съ «Егоромъ Федоровичемъ» (Гегелемъ) писалъ, что, если бы ему «удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія», то и тамъ бы попросилъ отдать отчетъ «во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи и пр.; — иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою». «Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ cadaго изъ моихъ братій по крови». Какія-это знакомыя настроенія, какія характерныя чувства для русскаго радикальнаго гуманизма! Не спроста Достоевскій заставилъ своего найгуманнѣйшаго русскаго западника, Ивана Карамазова, сказать почти-что то-же самое. Съ точки зрѣнія общественныхъ формъ настроенія эти ведутъ въ первую очередь къ анархизму, который дѣйствительно близокъ былъ многимъ русскимъ бунтарямъ-западникамъ, — и Бакунину, и Кропоткину, и народовольцамъ 70-хъ годовъ. Однако, здѣсь открывается причудливый парадоксъ, въ который впадалъ нашъ радикализмъ: если личность должна быть утверждена во что бы то ни стало, то *пригодны всѣ средства* для ея утвержденія. Иванъ Карамазовъ пишетъ легенду о Великомъ Инквизиторѣ.

Что касается до исторіософіи, то постепенно русскій радикаль сталъ открывать въ нашей исторіи смыслъ, не понятный либералу. Въ ней началъ видѣть онъ проявленія первозданной, народной, анархо-соціалистической стихіи, которая бушевала въ разиновщинѣ, пугачевщинѣ и т. п. Въ русскомъ мірѣ, въ общинѣ нашелъ онъ прообразъ истинно совершеннаго общественнаго строя И потому міровая революція была для него, скорѣе, процессомъ руссификаціи и азіатизаціи Европы, чѣмъ процессомъ европеизаціи Россіи. Нужно было отыскать только обладающаго организаторскимъ талантомъ Пугачева. Герценъ предла-

галь Александру II сдѣлаться такимъ пугачевскимъ царемъ. Бакунинъ въ это не вѣрилъ и считалъ, что Пугачевъ-организаторъ рано или поздно найдется самъ собою. Это были настроенія, которыя Плехановъ удачно назвалъ «взбунтовавшимся славянофильствомъ». Они господствовали у радикаловъ вплоть до начала 80-хъ годовъ, когда впервые русскій радикализмъ сталъ принимать чисто западнической характеръ. Въ этомъ процессѣ огромную роль сыгралъ марксизмъ, при помощи котораго русскіе радикалы оторвались отъ Востока и стали истинно западниками.

Марксизмъ создалъ философію исторіи, по которой европейскій типъ общественнаго развитія сталъ какъ бы универсальной схемой для всѣхъ культуръ и народовъ. И обосновывалось это вовсе не утвержденіемъ преобладающаго вліянія въ исторіи экономическихъ отношеній, — вѣдь и экономика бываетъ разная, — обосновывалось это увѣренностью, что вслѣдствіе особаго развитія производительныхъ силъ и техники весь міръ включился нынѣ въ особыя экономическія условія, необходимо влекущія его къ движенію по одному историческому пути. «Когда какое-нибудь общество напало на слѣдъ естественнаго закона своего развитія, оно не въ состояніи ни перескочить черезъ естественныя формы своего развитія, ни отмѣнить ихъ при помощи декрета». На такой «слѣдъ» и напалъ современный міръ, вступивъ въ стадію капиталистическаго хозяйства, законы котораго нельзя ни перескочить, ни отмѣнить. А такъ какъ неумолимая тенденція отъ капитализма влечетъ его къ социализму, то будущее наше тѣмъ самымъ predetermined и обусловлено. Вопросъ только въ временахъ и срокахъ.

Для опредѣленія судебъ Россіи съ точки зрѣнія русскаго радикализма вопросъ ставился теперь очень просто. Приходилось рѣшить основную за-

дачу, — именно, включился-ли русскій міръ въ капиталистическія формы со всѣми имманентными законами или еще не включился. Русскіе радикалы и революціонеры 70-хъ годовъ отвѣчали на вопросъ отрицательно. Они придерживались историко-соціологическихъ разсужденій, «къ которымъ такъ охотно прибѣгали славянофилы въ своихъ литературныхъ стычкахъ съ западниками». Подобно славянофиламъ, они высказывались въ томъ смыслѣ, что западное общество было историческимъ продуктомъ многовѣковой классовой борьбы и что «въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ классовое господство буржуазіи должно рухнуть подъ напоромъ пролетаріата» (Плехановъ). Что же касается до Россіи, то, у насъ не было столь ясно выраженныхъ классовъ и совершенно особую роль игралъ государственно-организаціонный принципъ. А потому и весь ходъ исторіи нашей — другой, общество наше покуда не попало на слѣдъ закона европейскаго экономическаго развитія и «обусловливаемая этимъ послѣднимъ смѣна экономическихъ фазисовъ для него необязательна».

Такимъ образомъ соціально-экономическая программа русскаго радикализма вплоть до начала 80-хъ годовъ оставалась восточнической» — той самой, которую ставили «титаны народно-революціонной обороны, Болотниковъ, Булавинъ, Разинъ, Пугачевъ и др.». Такъ было до момента, когда Г. В. Плехановъ и его группа рѣшительно измѣнили свое мнѣніе на основной вопросъ и пришли къ убѣжденію, что Россія давно уже поступила въ капиталистическую школу и что «никакой хартии самобытности, выданной намъ исторіей мы не обладаемъ». Съ того, именно, момента русское радикальное западничество порвало съ послѣднимъ остаткомъ «славянофильскихъ» традицій и окончательно вступило на западный путь.

Несмотря на то, что всѣ вышеочерченные виды русскаго западничества относились другъ къ другу, какъ направленія, крайне враждебныя, другъ друга отрицающія и другъ съ другомъ борющіяся, — было между всѣми ними нѣчто общее, нѣкоторая общая идейная почва, на которой они стояли. Это звучитъ прямо парадоксально, но это соответствуетъ дѣйствительности: и европеизаторы Россіи стиля «кнуто-германской» Имперіи, и ихъ умѣренные противники либералы, и радикалы, включая марксистовъ, совершали нѣкоторую аналогичную установку на Россію и соотвѣтственно съ этимъ аналогично рѣшали нѣкоторыя основныя культурныя и соціально-политическія проблемы. Такія, общія предпосылки русскаго западничества можно свести къ слѣдующимъ основнымъ пунктамъ:

1. Прежде всего, — и это элементъ формальный, — всѣ русскіе западники были чистыми эпигонами европейской культуры, т. е. всѣ они были убѣждены, что эта культура единственная настоящая и, кромѣ нея, вообще нѣтъ никакой истинной культуры. Расхожденіе было только въ томъ, что подъ «западомъ» слѣдуетъ понимать, — старый католически-феодальный и абсолютическій Западъ или Западъ буржуазно-демократическій или пролетарско-коммунистическій.

2. Изъ этого формальнаго признанія первенства западной культуры вытекало отрицаніе смысла и цѣнности другихъ культуръ, и въ частности культуръ азійскихъ, а также и специфичности русской культуры. Оттого, пользуясь словами Достоевскаго, можно сказать, что всѣ русскіе западники въ народѣ русскомъ видѣли лишь «носную массу», «тормозящую развитіе Россіи къ про-

грессивному лучшему», «которую всю надо *пересоздать и передѣлать*, — если ужъ невозможно и нельзя органически, то, по крайней мѣрѣ, механически, т. е. *по просту заставить ее разъ навсегда насъ слушаться, во вѣки вѣковъ*».

3. Отсюда вытекаетъ дальнѣйшая, всѣмъ русскимъ западникамъ свойственная черта, — вѣра въ преимущественную культурную силу учреждений, призванныхъ къ перевоспитанію «коснаго» народа и преимущественное служеніе «правдѣ внѣшней», а не «правдѣ внутренней», идеаламъ общественнымъ, а не идеаломъ личнымъ. Какъ это ни странно, но вѣра эта роднитъ консервативнаго русскаго западника, поклонника западной дисциплины и порядка, съ поклонниками всеисцѣпляющей силы западнаго парламентаризма и съ строителями социалистическаго града, призваннаго водворить окончательное земное блаженство. Споръ : идетъ *о родѣ* учреждений, а не о томъ, способны-ли сами учрежденія, «не связанные органически съ идеалами нравственными», быть условіемъ общественнаго совершенства.

4. И, наконецъ, всѣ русскіе западники, безъ различія направленій, одинаково сходились въ непониманіи тѣхъ практическихъ задачъ, которыя стояли передъ россійскимъ государствомъ, какъ совершенно особымъ географическимъ, экономическимъ и культурнымъ цѣлымъ. Всѣ они были убѣждены, что для преуспѣянія Россіи достаточно было взять чужія учрежденія, со всѣми свойственными имъ, чисто имманентными цѣлями, извнѣ, пересадить ихъ на русскую почву и осуществлять свойственныя имъ цѣли такъ, какъ онѣ примѣнялись въ ихъ первоисточникѣ (напр., парламентаризмъ, какъ въ Англіи, социализмъ, какъ въ Европѣ и т. п.).

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что русское

западничество въ своемъ развити завершило и исчерпало, повидимому, всѣ возможные свои циклы: подражали Европѣ старой, старались подражать Европѣ новой, современной, и, наконецъ, закончили подражаніемъ Европѣ будущей, еще реально не существующей или только существующей въ зародышѣ.

Н. А л е к с ѣ е в ъ.
